

научной конференции «Системное и асистемное в языке и речи» / О.И. Ерёмченко. — Иркутск, 2007. — С. 31-35.

7. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю / О.А. Седакова. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. — 432 с.

Стаття надійшла до редакції 22.09.14

М.С. Смирнова, аспирантка

Мариупольский государственный университет, Мариуполь

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА XX ВЕКА

В статье рассматриваются теоретические достижения отечественных и зарубежных лингвистов по проблематике исследования православного дискурса, анализируются процессы терминологизации и детерминологизации религиозной лексики, дается характеристика процессам омонимии, синонимии, полисемии, антонимии, паронимии, неологизации, деатеизации и реактивизации религиозных терминов.

Ключевые слова: православный дискурс, религиозная терминология.

LEXICAL CHARACTERISTICS OF THE XXTH CENTURY ORTHODOX DISCOURSE

The theoretical achievements of Ukrainian and foreign linguists on the problems of Orthodox discourse research are considered, the processes of terminologization, determinologization of the religious wordstock are analyzed, the processes of homonymy, synonymy, polysemy, antonymy, paronymy, neologization, deatheisation and reactivation of the religious terms are described in the article.

Keywords: orthodox discourse, religious terminology.

УДК 821.161.1.-1Козлов“19”

С. Фокина, доцент

ОНУ, Одесса

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СКАЗКИ С. КОЗЛОВА «ЁЖИК В ТУМАНЕ»

В статье исследовательский поиск направлен на осмысление интертекстуальных, ассоциативных и подтекстовых уровней сказки Сергея Козлова «Ёжик в тумане». Осмыслен феномен автореминисценции сказки. Представлена интерпретация авторских коннотаций в соответствии с контекстом всего цикла сказок о Ёжике.

Ключевые слова: интертекст, подтекст, сказка, автореминисценция, аллюзия, Ёжик в тумане.

© С. Фокина, 2014

Дискурс самой известной, благодаря экранизации Ю. Норштейна, сказки С. Козлова «Ёжик в тумане» ориентирован как на притчевость, так и на расширение смыслового горизонта за счет постоянных интертекстуальных приращений. Чтобы выявить различные интертекстуальные отсылки, определяющие как художественную генеалогию персонажа, так и подтекстовый уровень развития сюжета, необходимо помимо обращения к исследованию текста данного произведения, включать в поле научного поиска детали и мотивы, отразившиеся в других сказках цикла о Ёжике.

Следует отметить, что козловский «Ёжик в тумане» существует в двух версиях, явно отличающихся, но, в то же время, и перекликающихся между собой. Видимо, более ранней является история, повествующая о том, как Ёжик заморожен красотой тумана, в котором тонет лошадь. Герой любит таинственным видением, хочет рассказать о нем друзьям, но предчувствует, что ему никто не поверит. *«Ёжик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом. <...> Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это? <...> “Расскажу – не поверят!” – подумал Ёжик, и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту»* [6: 6]. Этот вариант более краткий и только предвдвряет мотивы, сюжетное развитие и символику текста, ставшего основой сценария известного мультфильма.

Для анализа более приоритетно обращение к модификации данного сюжета эквивалентной экранизации Ю. Норштейна. В козловской автореминисценции концепция героя достигает значительной определенности и глубинного подтекста.

Касательно осмысления сказки С. Козлова «Ёжик в тумане» в научном плане ситуация довольно противоречива. В основном внимание сосредоточено на мультфильме Ю. Норштейна и его различных прочтениях. Достаточно размысленный как в области критической мысли, так и интерпретаций, выполненных в рамках современных филологических штудий. Среди знаковых работ, посвященных изучению смысловых пластов «Ёжика в тумане», достаточно вспомнить статью О. Лекманова «Из какого тумана вышел Ёжик Ю. Норштейна» [9], где внимание сфокусировано на выявлении различных смысловых и тональных перекличек норштейновского произведения с фильмом «Амаркорд» Ф. Феллини. В статье А. Демкина «“Ёжик в тумане”: апокрифическая мифология детской сказки» в контексте доминат аналитической психологии выявлено приобщение героя к шаманической ипостаси. С точки зрения А. Демкина «волшебные <...> звери в сказках Козлова также рассказывают <...> об измененных состояниях сознания... <...> беседуют с частями природы вокруг них, слушают голоса тех, кого нет рядом, и общаются друг с другом во сне» [3]. Кроме того, весьма интересен очерк «Трансграничный смысл мультфильма “Ёжик в тумане”», выложенный on-lain в «Live Journal», вполне самобытно рассматривающий также в юнгианском ключе символические и мифологические коннотации мультфильма.

При накопленном материале изучения норштейновской притчи недостаточно внимания уделено рассмотрению контекста художественного универсума сказок С. Козлова. Также до конца не осмыслены различные интертекстуальные отсылки, связывающие «Ёжика в тумане» со знаковыми текстами русской и мировой литературы.

Цель данной статьи изучить интертекстуальный потенциал сказки С. Козлова «Ёжик в тумане», воссоздав художественную генеалогию героя.

В цикле козловских сказок Ёжик неизменно устремлен ввысь к небесным сферам и наделен даром видеть предметы, события и природные явления особым образом: «*“Звезда!” – подумал о звезде в небе. И поглядел на звезду так, как будто впервые ее увидел*» [7: 18]. Своеобразие восприятия Ёжика акцентирует как остранение, так и медиальный, профетический статус персонажа.

Для различных символических традиций характерны солярные коннотации ежа. Еж «свернутый в колючий шар <...> представлял собой аналогию с солнечными лучами» [13]. В мифологии славян еж «самый мудрый из всех животных», ему «присущи магические и лечебные свойства» [2: 257].

Тип отношений Ёжика с другом Медвежонком трансформирует модель отношений активного Винни-Пуха и боязливого Пятачка из сказки А. Милна. Согласно концепции, предложенной В. Рудневым Пятачок невротический тип личности. По мысли В. Руднева, «Винни Пух – сангвиник-синтоник, жизнерадостный, любящий поесть, психически наиболее мобильный, живущий в гармонии с окружающей его действительностью. Поросенок – тревожный психастеник, вечно боящийся будущего и из всех возможных вариантов предсказывающий наихудший» [11: 236]. В козловской сказке невротизм и боязливость Пятачка модифицируются в личности Ёжика в одухотворенность и мечтательность.

Несмотря на ориентированность цикла о Ёжике на детскую аудиторию, в подтексте сохранен притчевый потенциал, аналогичный сказке А. Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Некая неотмирность – инопланетность Ёжика, инфантильность и в тоже время способность к духовному прозрению сближает этот образ с героем А. Сент-Экзюпери. Также как и Маленький принц, Ёжик связан с символикой солнечного света. Волосы-лучи Маленького принца («<...> у тебя золотые волосы» [12: 240]) эквиваленты иголкам Ёжика. В одной из сказок цикла о Ёжике и его друзьях герой упоминает: «*Я похож на солнышко!*». Повторен и мотив влюбленности в цветок, символизирующий женственность. Так в сказке «Ромашка» Ёжик влюблен в Ромашку подобно тому, как Маленький принц в Розу. «Это было в июне. Ёжик влюбился. <...> Ёжик ходил большими кругами вокруг Ромашки и боялся к ней подойти».

Дальнейшее расширение ассоциативного плана художественной генеалогии героя в глубинном подтекстовом слое позволяет выявить интертекст, отсылающий к образу князя Мышкина.

На первый взгляд сказки для детей С. Козлова с образной системой романа Ф. М. Достоевского «Идиот» никак не связаны. Но аналогия с Маленьким принцем позволяет сделать и более невероятное допущение касательно ориентации образа козловского Ёжика на «морально прекрасного человека», воплощенного в художественном мире Ф. Достоевского.

Обоих героев объединяет некоторая странность, болезненность и почти полная и неприспособленность к быту, взамен чего оба наделены духовностью и предельной чуткостью к тому, что остается для других незаметным. Кроме игрового совпадения некоторых сторон психотипа князя Мышкина и козловского Ёжика при тщательном анализе можно найти более завуалированные и важные уподобления. Так в некоторых сказках козловского цикла Ёжик падает, переживая при этом совершенно особое, ни испытанное до этого состояние, меняющее мироощущение. «*Полз он долго-долго и вдруг почувство-*

вал, что земли под ним нет и он куда-то летит. Бултых!.. “Я в реке!” – сообразил Ёжик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны» [6: 6].

Эти полеты-падения Ёжика могут, на уровне подтекста, соотноситься с приступами эпилепсии князя Мышкина, изначально вызывающими ощущение просветления. «<...> вдруг как бы что-то разверзлось перед ним: необычайный внутренний свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды; но он однако же ясно и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог бы остановить. Затем сознание его угасло мгновенно, и наступил полный мрак» [4 (6: 249)].

Примечательно, что козловский Ёжик не только падает, но иной раз проваливается в яму в разных сказках: «Ёжик провалился в волчью яму и просидел там неделю» [6: 39]. Согласно утверждению В. П. Белянина, тема падения может выступать в тексте имплицитным знаком эпилепсии. «Говоря о корреляции с эпилепсией, уместно вспомнить, что сам термин происходит от греческого слова *epilepsia*, что означает “внезапно падать, неожиданно быть охваченным”» [1:107]. В. Белянин указывает и другие семантические эквиваленты, в подтексте также подразумевающие эпилепсию. «Также достаточно регулярно наравне с падением и спотыканием <...> встречаются ‘спуск вниз’, в подвал, в подземелье, в нору» [1: 108].

В то же время эстетика козловских сказок не соответствует эпилептоидному дискурсу, соотносимому В. П. Беляниным с типом «темного текста» и акцентированием телесного и сумрачного. Ёжик неизменно, даже подчеркнуто, противопоставлен телесному миру и ориентирован на духовное и небесное.

Если рассматривать различные варианты падения Ёжика как неосознанный парафраз приступов эпилепсии князя Мышкина, то, видимо, болезнь интерпретируется как своего рода стигматы, что, вероятно, связано с некоторой ее мифологизацией в культуре. Так согласно данным, приводимым Р. Лахманн, «эпилепсия – болезнь, традиционно наделявшаяся возвышенно-духовными коннотациями (святая болезнь, *morbus sacer*). Припадки эпилепсии случались с выдающимися мужами – историческими и мифологическими героями...» [8: 157]. В козловском цикле о Ёжике «решиительный и невыносимый ужас, имеющий в себе даже нечто мистическое» [4 (6: 250)], производимый на окружающих видом припадка, полностью отсутствует, что обусловлено дискурсом детской сказки.

Для прояснения художественной генеалогии Ёжика важен эпизод романа «Идиот», в котором Аглая посылает князю Мышкину в подарок ежа. «Как только Аглая получила ежа, тотчас же уложила его с помощью Коли в плетеную корзинку, накрыла салфеткой и стала просить Колю, чтобы он сейчас же, и никуда не заходя, отнес ежа к князю, от ее имени, с просьбой принять в “знак глубочайшего ее уважения”» [5 (7: 207)]. Аглаев подарок должен стать знаком «дружества, забвения обид и примирения» [5 (7: 207)], а главное отразить чистоту и открытость сердца самого князя. В сказочном универсуме С. Козлова Ёжик в игровом ключе «наследует» черты характера и частично своеобразие поведения и отношения к миру князя Мышкина.

На уровне подтекста в образе Ёжика определяющими признаками его художественной генеалогии предстают душевная чистота, отрешенность от земного и пронизательность, свойственная героям Ф. М. Достоевского и А. Сент-Экзюпери. Ёжик способен увидеть то, что скрыто от других, переплыть реку – своеобразный эквивалент Леты, и

просветленным вернуться в обычный мир к своему другу Медвежонку чаевничать. В соответствии с этим козловский герой живет по закону, который открыл Маленькому принцу Лис: «... зорко одно только сердце. <...> Самого главного глазами не увидишь» [12: 234]. Именно зоркость сердца делает Ёжика рассеянным к обыденному, но зато наделяет внутренним светом, дающим возможность пройти сквозь туман.

Перспективы дальнейшего исследования определяет возможность последующего изучения интертекстуального потенциала современной детской литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя : [монография] / В. П. Белянин. – М. : Генезис, 2006. – 320 с.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
3. Демкин А. «Ёжик в тумане»: апокрифическая мифология детской сказки [Электронный ресурс] / А. Демкин. – Режим доступа к ист. : <http://www.town812.ru/tuman.html>
4. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 12 т. – Т. 6. : Идиот (Ч. 1–2). – М. : Правда, 1982. – 368 с.
5. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 12 т. – Т. 7. : Идиот (Ч. 3–4). – М. : Правда, 1982. – 320 с.
6. Козлов С. Г. Трям! Здравствуйте!.. / С. Г. Козлов. – Тверь : Самовар, 2000. – 109 с.
7. Козлов С. Г. Ёжик в тумане и другие сказки / Козлов С. Г. – М. : РИПОЛ классик, 2011. – 80 с.
8. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского / Р. Лахманн // Русская литература и медицина: Тело, предписание, социальная практика : [сб. статей] / [под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози]. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 148–168.
9. Лекманов О. А. Из какого тумана вышел Ёжик Ю. Норштейна / О. А. Лекманов // Книга об акмеизме и другие работы. – Томск : Водолей, 2000. – С. 370–377.
10. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
11. Руднев В. Междисциплинарные исследования / В. Руднев // Энциклопедический словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф, 2003. – С. 234–237.
12. Сент-Экзюпери А. Маленький принц / А. Сент-Экзюпери // Французская новелла XX века. 1940 – 1970 ; [пер. с франц., сост. В. Балашов и Т. Балашова]. – М. : Худож. лит., 1976. – С. 191–258.
13. Тресиддер Дж. Еж (Дикобраз) [Электронный ресурс] / Джек Тресиддер // Словарь символов. – Режим доступа к ист. : [http://albooking.net/book_126_glava_152_%20_EZH_\(DIKOBRAZ\).html](http://albooking.net/book_126_glava_152_%20_EZH_(DIKOBRAZ).html)

Стаття надійшла до редакції 11.09.14

Фокіна С.А., доцент

ОНУ, Одеса

**ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНИЙ ПОТЕНЦІАЛ КАЗКИ
С. КОЗЛОВА «ЇЖИК В ТУМАНЕ»**

У статті дослідницький пошук спрямовано на осмислення інтертекстуальних, асоціативних та підтекстових рівнів казки Сергія Козлова «Їжачок у тумані». Осмислено феномен авторемінісценції казки. Представлено інтерпретацію авторських коннотацій відповідно до контексту усього циклу казок про Їжачка.

Ключові слова: *інтертекст, підтекст, казка, авторемінісценція, алюзія, Їжачок у тумані.*

Fokina S.A., docent

ONU, Odessa

**INTERTEXTUAL POTENTIAL OF THE TALE
BY S. KOZLOV "HEDGEHOG IN THE FOG"**

The article deals with the research of intertextual, associative and subtext levels of fairy-tale by Sergei Kozlov «Hedgehog in the Fog».

Keywords: *intertextuality, subtext, fairy-tale, autoreminiscence, allusion, Hedgehog in the Fog.*

УДК 811.161.2 '373. 22

О. Лужецька

Тернопільський національний економічний університет

**МІКРОТОПОНІМИ ПІВДЕННО-ЗАХІДНОГО
ОПІЛЛЯ, МОТИВОВАНІ ТЕРМІНАМИ НА ПОЗНАЧЕННЯ
ХАРАКТЕРУ ҐРУНТІВ**

У статті розглядається понад 90 назв місцевих топооб'єктів Південно-Західного Опілля, мотивованих термінами на позначення характеру ґрунту. Встановлено їх основні семантичні групи, специфічні особливості, а також кількісні показники на території досліджуваного нами регіону.

Ключові слова: *мікротопонім, онім, пропріатив, дериват, мікрореалія.*

Постановка проблеми. Південно-Західне Опілля як історико-етнографічний регіон України охоплює територіально Рогатинський й Галицький райони Івано-Франківщини та Бережанський і Підгаєцький райони Тернопільщини. Найменування мікрореалій природнього чи антропогенного характеру цієї, як і будь-якої іншої місцевості України легко міняються чи замінюються, або взагалі зезають із людської пам'яті. Однак цей процес не односторонній, адже, як правило, з'являються нові назви топооб'єктів на місці попередніх. В окремих випадках такі оніми фіксують історичні кадастрові карти та зе-

© О. Лужецька, 2014